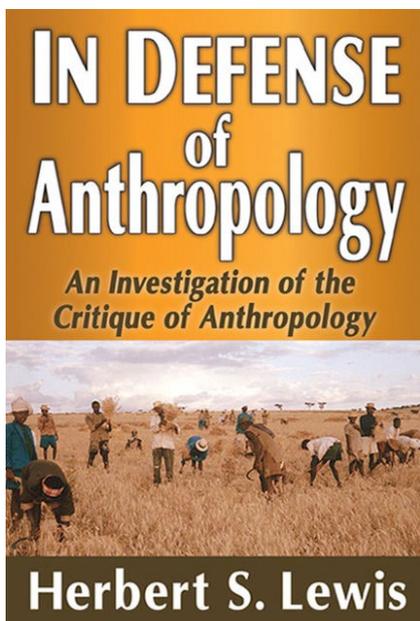

РЕЦЕНЗИИ

УДК 39+82-95A/Z7.07.

© С.В. Чешко

РЕЦ. НА: LEWIS, HERBERT S. IN DEFENSE OF ANTHROPOLOGY: AN INVESTIGATION OF THE CRITIQUE OF ANTHROPOLOGY. TRANSACTION PUBLISHERS – NEW BRUNSWICK, NEW JERSEY, 2014. – 244 PP.

В начале 1990-х годов, когда я пришел работать в журнал «Этнографическое обозрение», в нем сложилось правило давать рецензии на отечественные книги не старше двух лет и трех-четырёх лет на иностранные. Сегодня зарубежную литературу

добыть проще, и упомянутое послабление для ее рецензирования теперь, наверное, выглядит не очень оправданным. Публикации Г. Льюиса уже четыре года, к тому же, большая часть ее текста написана значительно раньше. Эту часть составили ранее опубликованные статьи, название которых я привожу.

“The Misrepresentation of Anthropology and Its Consequences.” *American Anthropologist* 100 (3):716–731, Sept. 1998.

“Anthropology or Cultural and Critical Theory?” *American Anthropologist* 101(2):429–432, 1999.

“The Passion of Franz Boas.” *American Anthropologist* 103(2): 447–467, 2001.

“Imagining Anthropology’s History.” *Reviews in Anthropology* 33(3): 243–261, 2004.

“Anthropology, the Cold War, and Intellectual History.” In Regna Darnell & Frederic Gleach, eds. *Histories of Anthropology Annual* (1). 2005. (pp. 99–113).

“Anthropology: Then and Now.” In A. J. Kelso, ed. *The Tao of Anthropology*. 2008. (pp. 216–237).

“Franz Boas: Boon or Bane?” *Reviews in Anthropology* 37(2–3): 169–200, 2008.

“The Radical Transformation of Anthropology: History Seen through the Annual Meetings of the American Anthropological Association, 1955–2005.” In Regna Darnell & Frederic Gleach, eds. *Histories of Anthropology Annual* (5). 2009. (pp. 200–228).

Оригинальными являются только раздел «Was Anthropology the Child, the Tool, or the Handmaiden of Colonialism?», а также, естественно, Введение и Эпилог.

Собственно, Г. Льюис, кажется, и не собирался издавать таким способом сборник

Чешко Сергей Викторович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН. Эл. почта: ieamoscow@mail.ru.

своих отдельных статей, но его уговорили коллеги. А уговорил, кстати, и бывший сотрудник Института этнографии АН СССР, а ныне почетный профессор Университета Висконсина (США) Анатолий Михайлович Хазанов. И уговаривал, судя по всему, довольно настойчиво (с. xi).

Спрашивается, а я зачем взялся за рецензию этой книги? Тем более, что она не состоялась в другом отечественном академическом журнале. А взялся вот почему.

На мой взгляд, научные труды не имеют «срока давности». Более того, бывает, что у них даже обнаруживается свойство «обновляться» по принципу спирали. История этнологии свидетельствует и о том, что научная мысль подвержена моде на новейшие методологические изобретения. При этом идеи предшественников обычно подвергаются тотальной критике, а то и просто отбрасываются за ненужностью, как будто их и не было. А потом приходит другая мода, и ситуация повторяется.

Разумеется, за такими эволюциями стоят более серьезные вещи, нежели просто изменения вкусовых пристрастий, которые, впрочем, тоже происходят не спонтанно, а, нередко, под влиянием целенаправленных, массированных «рекламных кампаний», которые случаются и в науке. В конечном счете позиция ученого зависит от его мировоззренческих установок, а смена теоретических течений во многом связана с идеологическими подвижками в обществе. История мировой этнологии изрядно наполнена борьбой именно в идеологической плоскости – сначала эволюционизма против клерикализма, потом различных течений в западной антропологии против самого эволюционизма (а по сути – против марксизма и вообще материализма), а в последние годы, в России, – против примордиализма², а заодно с ним и против советской «теории этноса», во многом построенной на базе исторического материализма.

Такая цикличность, в общем-то, естественна. Но ведь не менее важно понимать и принимать развитие науки как непрерывный процесс, в котором каждый его квант может быть значим даже по истечении многих лет и даже десятилетий, а то и столетий. Поэтому обращение к трудам предшественников, даже если они не вписываются в современную моду, бесполезно. Возможно, выскажу слишком спорную мысль, но сегодня – с учетом всего опыта развития этнологии – было бы интересно увидеть рецензию на труды, скажем, Л.Г. Моргана, Ф. Ратцеля или кого-то еще из классиков, которых давно списали в почетный архив. Правда, труды отечественных и зарубежных авторитетов (с комментариями, вводными статьями) у нас переиздаются, выходят работы по истории этнологии, но в силу особенности жанра таких публикаций, предусматривающего академическую монументальность и сдержанность в оценках, заочной дискуссии «через времена» между этими учеными и их нынешними критиками обычно не получается.

Автор рецензируемой книги Герберт Льюис (ныне – почетный профессор Университета Висконсин в Мэдисоне, США) у нас не относится к числу «классиков». И уж точно он не принадлежит к числу антропологов, работающих в духе постмодернизма. Возможно, поэтому-то его работы у нас не популяризируются. Это меня и заинтересовало – посмотреть, какие альтернативные идеи существуют в современной американской антропологии, пусть даже их высказывает представитель прежних поколений ученых.

Говоряще само название книги – «В защиту антропологии. Исследование критики антропологии». А в посвящении автор пишет: «Поколениям антропологов, кто посвятил свою жизнь и свой труд благородному стремлению понять поведение

людей во всей его замечательной вариативности»*. Звучит пафосно, но этот пафос вполне соответствует идее и содержанию книги.

Идея состоит в том, чтобы высказаться против сложившейся, по мнению Г. Льюиса, в западной науке традиции *writing against anthropology*. Эта традиция, под влиянием модных идеологических тенденций, питается теоретическими обобщениями высокого уровня, идущими из Франции, а также идеями современной англоязычной антропологии, зачастую расходящимися с результатами конкретных исследований предыдущих поколений исследователей. «Как правило, – пишет автор – эти работы богаты ссылками на текущую критическую и теоретическую литературу, но в значительной степени не имеют ссылок на публикации антропологов, подвергающиеся осуждению. Сегодня такие идеи – это все, о чем слышали поколения молодых антропологов и пишущих теоретиков» (с. xiii). При этом Г. Льюис подчеркивает, что он выступает не вообще против достижений антропологии после 1970-х годов, а лишь против некоторых, на его взгляд, вредных тенденций. «То, что я намерен сделать – это подвергнуть критике негативную и чрезвычайно неосторожную интерпретацию старой антропологии, содержащуюся в наиболее значимых работах, у ведущих представителей новой антропологии. Я утверждаю, что подобные неаккуратные интерпретации стали уже нормой и наносят серьезный вред обучению аспирантов и угрожают будущему нашей дисциплины» (с. 4).

Поразительно, насколько эти замечания Г. Льюиса применимы и к состоянию современной российской этнологии/антропологии, что, впрочем, и неудивительно, поскольку она в постсоветское время двигалась, в значительной степени, в направлении, заданном западной наукой, и, похоже, продолжает этот путь. Особенно это характерно для творческих исканий многих начинающих исследователей. А мне по роду моей деятельности в качестве эксперта РФФИ приходится читать заявки на гранты, в которых в качестве теоретической базы фигурируют работы Фуко, Бурдьё (впрочем, не таких уж и «новых») и других новых «классиков» (это практически стало обязательным, как прежде приходилось ссылаться на труды Маркса, Энгельса и Ленина), идеи конструктивизма, а ссылок на профессиональных отечественных этнологов почти нет, за исключением от силы двух-трех имен. А проекты могут касаться чего угодно – вплоть до прикладных региональных и локальных проблем, в исследовании которых общетеоретические, философские по своему характеру установки этих «новых классиков» помочь уж точно не могут. И таких заявок – как минимум, добрая половина.

Первые три главы книги рассказывают устами автора о том, почему и каким образом антропология испытала масштабные трансформации в совокупности с серьезными изменениями исследовательского поля. Последующие главы посвящены реакции автора на критику в адрес ранней антропологии, ставшей сегодня нормой.

В первой и наиболее важной, на мой взгляд, статье «**Искаженная репрезентация антропологии и ее последствия**» («*The Misrepresentation of Anthropology and Its Consequences*») рассматриваются три ложных, на взгляд Г. Льюиса, посылы критиков той самой ранней антропологии. Первый из них заключается в понимании изучаемых народов как абсолютно отличных от культуры самих исследователей, а это, по сути, вообще ставит под сомнение возможность их изучения. Второй посыл состоит в обвинении антропологии в том, что она всегда была антиисторичной. Со-

* Здесь и далее перевод мой. – С.Ч.

гласно третьему утверждению, антропологи рассматривали изучаемые ими культуры как изолированные единицы, не связанные друг с другом и остальным миром.

Комментируя первое из этих утверждений, автор отмечает, что оно в корне расходится с гуманистическим универсализмом эпохи Просвещения, а также, например, со взглядами Франца Боаса, Адольфа Бастиана и других ученых, представлявших «старую антропологию». Суть их взглядов в связи с рассматриваемой темой состоит в признании единства человеческого рода, а задача ученых – изучать его культурное многообразие. «Странно – пишет Г. Льюис, – что эта простая идея больше не пользуется широким признанием, будучи замененной представлением о том, что мы изучаем Других, чтобы почувствовать себя выше них и доминировать над ними. Примечательно, что кредо Ф. Боаса, Р. Бенедикт, М. Херсковица, М. Мид и еще многих других исследователей бороться с расизмом и этноцентризмом, когда-то признававшимся центральным элементом наследия американской антропологии, теперь либо игнорируется, либо выставляется как постыдное» (с. 10).

Между тем, как отмечает Г. Льюис, реальные антропологические исследования британских и американских ученых, разворачивавшихся с начала XX в., показывают, что подобные обвинения, в лучшем случае, лишь отчасти справедливы. Незнание работ этих авторов имело пагубные последствия для новых поколений исследователей, которые обнаруживают непонимание специфики антропологических исследований, неоправданно сужают их область, не находят новых подходов к анализу проблем, возникающих при изучении социальной и культурной жизни народов и их истории.

По поводу тезиса об «антиисторичности» антропологии Г. Льюис полагает, что он основан всего лишь на одном мимолетном эпизоде в истории британской антропологии, который неоправданно распространяется на всю антропологию в США и Великобритании. И делается настолько активно и успешно, что в университетских учебных курсах, публикациях, диссертациях безапелляционно заявляется примерно следующее: «... антропология всегда игнорировала историю, но теперь мы больше знаем, и Я действительно внедряю историю в мою работу». А имеются в виду идеи А. Редклифф-Брауна и Б. Малиновского: «Редклифф-Браун и Малиновский утверждали, что это не необходимо и даже, вероятно, невозможно реконструировать историю для задач научного анализа обществ и культур, не обеспеченную письменными источниками» (с. 13).

Автор отмечает, что такие идеи, оказав некоторое влияние на британскую антропологию, никогда не были характерны для антропологии американской. В качестве подтверждения он ссылается на Боаса (и его «историческую школу»), Крёбера, Уисслера, Парсонса, Банцеля, Сэпира, Спира, Херсковица, Линтона, Мёрдока, Лессера, которые подчеркивали необходимость изучения и учета истории в контексте антропологических изысканий (с. 14). Я бы только добавил собственные соображения.

Во-первых, Редклифф-Браун и Малиновский, на мой взгляд, не столь уж «виноваты». В центре их внимания была *функциональность* архаических культур как целостных, логичных, пригодных для использования в конкретных обществах систем. А рассматривать эту проблематику *одновременно* еще и в исторической динамике – задача, вероятно, просто «неподъемная». И ведь, к тому же, в этнологии бывали случаи, когда архаические, бесписьменные общества реконструировались на основе ошибочно интерпретируемых свидетельств (построения Э. Тайлора, Л.Г. Моргана – характерные примеры).

Во-вторых, историчность «исторической школы», да и весь «историзм» американской антропологии первой половины прошлого столетия – это не то же самое, что исторический подход с точки зрения методологических традиций советско-российской этнологии. Последняя, следуя принципам исторического материализма, уделяла большое внимание процессам *развития*, рассматривая движение социальной материи как *прогрессивный* процесс усложнения и совершенствования форм ее организации. А в «исторической школе» историзм понимался как тщательное исследование конкретных культур, понятия «исторические закономерности», «прогресс» признавались неэвристичными. Какой вариант «историзма» лучше, адекватней для исследовательских нужд – трудно судить безапелляционно. Мне кажется, что в этом вопросе не следует быть чересчур ригористичным, впадая в ту или иную крайность между историческим универсализмом и своего рода «конкретно-историческим» подходом боасианцев.

Наконец, я даже несколько порадовался за отечественную этнологию. Оказывается, открывать давно открытое и гордиться этим – не только ее «национальная особенность», проявившаяся в 1990-е – 2000-е годы в работах нового поколения исследователей. Это – к упомянутой выше претензии молодых американских коллег быть первооткрывателями историзма.

По третьему пункту «обвинений» Г. Льюис отвечает так: «Это обвинение также необоснованно. Конечно, мы можем найти много примеров конкретных работ, которые сосредоточены на отдельных сообществах или народах и не рассматривают какие-либо другие группы или внешние силы. Иногда это выглядит как явный, иногда совершенно разумный и понятный подход, учитывая цели и перспективу конкретного исследования. Но просто неверно утверждать, что антропология и антропологи в целом вообще относились к каждой культуре как к отдельной, изолированной единице» (с. 17). Насколько мне позволяют мои познания об американской антропологии «той эпохи», автор прав – в целом она отнюдь не игнорировала, например, значение миграций и культурных взаимодействий и взаимовлияний.

Свой анализ Г. Льюис завершает выводом: «Я считаю, что настало время для переориентации доминировавшего в антропологии последних трех десятилетий интеллектуального стиля. Настало время отвернуться от взгляда на человечество в терминах ницшеанской воли к власти, чтобы вернуться к нашим истинным корням как в гуманистических представлениях, так и в науке» (с. 25).

Вторая глава **«Радикальная трансформация антропологии: история в ежегодных совещаниях AAA, 1955-2005 гг.»** (The Radical Transformation of Anthropology: History Seen through the Annual Meetings of the AAA, 1955–2005) повествует о цепи событий в американском антропологическом сообществе, которые и привели к тем пертурбациям, о которых говорилось в первой главе. Дается анализ этих процессов, происходивших в Американской антропологической ассоциации с 1955 г. до наших дней. Особое внимание уделяется периоду 1965 – 1972 годов, когда эти процессы отражались в умах обитателей университетских кампусов.

Автор отмечает, что «...современная американская культурная (социальная) антропология в последние сорок пять лет очень сильно отличается от ее дисциплинарных, интеллектуальных и институциональных истоков, основная тенденция в этой новой антропологии – сосредоточение внимания на образе зла в культуре и обществе. Я утверждаю, что понятие доминирования стало основополагающим, что гер-

меневтика для многих является основой для анализа» (с. 48). Г. Льюис объясняет это возникновением радикальных и даже революционных настроений в американском обществе в конце 1960-х – начале 1970-х годов, особенно в молодежной среде, как реакции на войну во Вьетнаме, драматические процессы деколонизации, на проблемы соблюдения гражданских прав и прав женщин, нищеты, сексуального освобождения в самих Соединенных Штатах о справедливости вообще.

Третья статья **«Антропология тогда и сейчас»** («Anthropology Then and Now»), была написана специально для издания *J. Kelso, ed. The Tao of Anthropology*. 2008, в котором старшим антропологам было предложено написать персональные эссе для студентов. Г. Льюис попытался объяснить, каково было быть молодым антропологом в 1950-х годах – представителям поколения, пережившего Великую депрессию в США и Вторую мировую войну. Они столкнулись со многими мировоззренческими проблемами, но большинство из них, по наблюдениям автора, считало, что антропология имеет миссию распространить слово мира на мир, выходящий из колониального господства и преодолевавшего синдромы псевдонаучного расизма.

Четвертая статья **«Была ли антропология ребенком, инструментом или служанкой колониализма?»** («Was Anthropology the Child, the Tool, or the Handmaiden of Colonialism?») касается широко распространенного и очень болезненного для антропологов мнения о том, что антропология была источником вдохновения для колониального господства, предлагала колониальным чиновникам инструменты для контроля «туземцев» и что колониальный опыт был, в свою очередь, интеллектуальным фоном и питательной средой для дисциплины. Эта тема продолжается в пятой главе **«Представляя историю антропологии»** («Imagining Anthropology's History»). Диапазон мнений на этот счет весьма широк; Льюис приводит мнение авторитетного представителя британской социальной антропологии новозеландского происхождения Раймонда Фёрса², высказанное в 1972 г.: «...антропология – это не ублюдочное создание колониализма, а законнорожденная наследница идей Просвещения» (с. 103).

Сам автор, довольно подробно описывая перипетии вокруг этой темы, избегает категоричных выводов. И, конечно, правильно делает. Этнологи/антропологи, занимающиеся современностью, неизбежно, вольно или невольно, при наличии «социального заказа» со стороны государства или без оно, оказываются вовлеченными в процесс, как бы мы сегодня сказали, этнологической экспертизы и принятия решений в области «этнонациональной политики». Ученый в таких условиях и в силу его собственных методологических, идеологических и нравственных установок, а в первую очередь, в соответствии с его профессионализмом, может оказаться и тем самым «ублюдком колониализма», и культуртрегером (что, впрочем, может иметь и положительный, и отрицательный эффект), и защитником прав, интересов, образа жизни изучаемых им сообществ. А виноватым его в чем-либо при большом желании можно сделать в любом случае. И Льюис резко выступает против того, чтобы в контексте тотальной критики «старой антропологии» сваливать на нее все грехи колониализма (с. 119–120).

В шестой статье **«Страсть Франца Боаса»** («The Passion of Franz Boas») представлен портрет основателя профессиональной антропологии в США Франца Боаса.

Седьмая статья **«Франц Боас: благодеяние или отравка»** («Franz Boas: Boon or Bane?») продолжает тему о роли Ф. Боаса в становлении и развитии американской

культурной антропологии. Пожалуй, это наиболее обстоятельный рассказ о жизни и научном творчестве Боаса из всего того, что мне приходилось читать о нем.

Свой анализ Г. Льюис предваряет ссылками на мнения весьма авторитетных американских антропологов. Джордж У. Стокинг (младший) писал: «Будучи немцем по рождению и глубоко связанным с интеллектуальными традициями своей родины, Франц Боас более, чем кто-либо, определил “национальный характер” антропологии в Соединенных штатах» (с. 161). А вот мнение Лесли У. Уайта: «Карьера Франца Боаса – одна из самых замечательных в истории американской науки и научной мысли. Он, кто резко выступал против теоретизирований и демонстрировал творческое воображение, кто избегал философских обобщений, кто боролся против теории культурной эволюции – теории как жизненно важной и фундаментальной в исследовании культуры с точки зрения интерпретации в духе биологических организмов – в течение десятилетий кто никогда не был склонен рассматривать науку о культуре в контексте интерпретации как класса супрапсихологических явлений, кто боролся против расовых предрассудков всю свою жизнь без каких-либо наукообразных объяснений – и вот то, что такого человека следует считать “величайшим антропологом мира”, безусловно, выглядит как удивительный феномен, требующий разъяснения» (с. 161). Между прочим, это писал общепризнанный (во всяком случае, у нас) классик неозволюционизма, до некоторой степени идейный наследник того самого эволюционизма, против которого так яростно боролись сам Боас и его последователи, причисляемые к «исторической школе» (А. Крёбер, А. Гольденвезйр, Р. Лоуи, П. Радин, с оговорками – К. Уисслер).

Сам Г. Льюис очень высоко оценивает роль Боаса в науке, противопоставляя его идеи методологическим новациям в современной американской антропологии. Автор книги выделил, в частности, то, что Боас настаивал на необходимости знать реальную историю (точнее, «истории») конкретных культур, чтобы понимать динамику культурных изменений (с. 182).

Восьмая статья «**Американская антропология и холодная война**» («American Anthropology and the Cold War») посвящена вопросу о соучастии американских антропологов в многолетней борьбе между Соединенными Штатами и Советским Союзом и их союзниками; один из акцентов сделан на критике антропологии с марксистских позиций. Другой аспект – преследование в США тех антропологов, которые осмеливались отстаивать именно марксизм и солидаризироваться с революционными идеями.

Наконец, в девятой статье «**Антропология или культурная и критическая теория?**» («Anthropology or Cultural and Critical Theory?») рассматривается вопрос о «размытых жанрах» в науке и перспективе вытеснения антропологии междисциплинарными исследованиями. Автор приходит к выводу, что, несмотря на критику антропологии, ведущуюся с 1960-х годов, и современные веяния в западноевропейской науке, антропология остается самостоятельной дисциплиной, обладающей большим потенциалом, чтобы оставаться таковой, осуществлять важные исследования и генерировать интересные идеи (с. 205 и др.).

И опять приходится констатировать, что в российской науке, по мере ее развития и роста влияния на нее науки западной, становится все более очевидным актуальность вопроса о сохранении собственной дисциплинарной специфики. Только эта проблема, в силу традиционных различий в понятийно-терминологическом

аппарате, может быть сформулирована несколько иначе: устоит ли этнология перед натиском антропологии³ или обречена раствориться в ней? И что будет с исследовательским полем? И специалистов в какой области, по каким методикам, будут готовить в высших учебных заведениях и аспирантуре академических институтов? Вопросы – множество.

В этом же контексте можно рассматривать красивую и настойчиво продвигаемую в последнее время идею стремиться к междисциплинарности; соответствующие НИРы, проекты, заявки на гранты стали пользоваться режимом наибольшего благоприятствования. Впрочем, настоящая междисциплинарность, смыслющая границы между науками и создавая некую новую синтетическую науку, или, по крайней мере, метод для исследования определенного класса социокультурных явлений, пока что представляется недостижимым идеалом (или, в худшем случае, кошмарной перспективой исчезновения самой области знаний о народах и культурах). Ученые, с их профессиональной подготовкой, специализацией, цеховым патриотизмом и менталитетом, просто не знают, что такое междисциплинарность, или не хотят заняться исследованием этого вопроса, что, в принципе, означало бы кардинальный переворот в организации науки, всей системы добывания, осмысления и обобщения научных знаний. Выходящие время от времени сборники статей под лозунгом междисциплинарности обычно просто включают в себя статьи этнологов, историков, социологов, психологов, философов и пр., пишущих каждый о своем без серьезных попыток найти точки пересечения. И слава богу? Действительная и достаточно эффективная междисциплинарность как единство объектов и целей исследования и взаимодополняемость исследовательских методов до сих пор обеспечивалась знаменитой анучинской триадой «антропология (физическая) – археология – этнография». Я бы добавил еще географию и языкознание (этнологические субдисциплины я не упоминаю по причине их вспомогательной роли – ни в коем случае не принижая их значения).

Было бы глупо выступать против кооперации наук. Без нее, скорее всего, вообще был бы невозможен научный прогресс, не состоялись бы открытия в самых различных областях знания. Но если брать конкретный вопрос о судьбах этнологии/антропологии в его сегодняшнем состоянии, то есть, как мне кажется, опасная вероятность того, что не построив ничего нового и работающего, а лишь декларировав эту цель, можно разрушить прежнее и работающее.

В **Эпилоге** Г. Льюис резюмирует свои взгляды. «Если этой книге удалось продемонстрировать, что многие утверждения, исходящие из критики антропологии, в корне ошибочны, несправедливы и недостойны, тогда нам надлежит начать переосмысливать некоторые из центральных установок последних десятилетий. Не может быть возврата к антропологическому Эдему, которого никогда не было, – прошлому, которое имело свою долю двусмысленностей, неопределенностей и слабостей, но через пять десятилетий настало время пересмотреть основы и тропы критики антропологии и в этом контексте взглянем на прошлое нашей дисциплины» (с. 209).

Подозреваю, что кто-то может воспринять рецензируемую книгу как пример методологического ретроградства и интеллектуальной замшелости эпигона «старой антропологии», которую защищает автор, кстати, аргументированно, со многими фактами, ссылками, аналитическими выкладками, которые я был вынужден опустить из-за ограниченности лимита объема рецензии. А на мой взгляд, это пример

как раз аккуратного и уважительного отношения к истории науки, хотя, возможно, и толика личной обиды ветерана антропологии за несправедливую критику того, что он и его соратники делали всю свою жизнь, в книге присутствует. Можно не соглашаться с какими-то взглядами Льюиса, обращает на себя внимание перекошенное внимание в предпринятом им исследовании (точнее, в цикле публикаций, включенных в книгу) к идеям Ф. Боаса и его последователей и единомышленников. Но в целом книга выглядит вполне современно, учитывая, что поднятые в ней проблемы реально существуют – они актуальны и для нынешней российской этнологии. И книга, вопреки тому, чего можно было бы ожидать, не выглядит лоскутным одеялом, настолько хорошо подобранные для нее статьи дополняют друг друга.

Примечания

- ¹ Вообще-то правильной – «праймордиализм» (primordialism).
- ² Наверное, несколько правильней транскрибировать «Фёрт» (Firth), но я следую устоявшейся в отечественной историографии традиции писать «Фёрс», чтобы не дезориентировать читателей.
- ³ Но не той антропологии, которую защищает Г. Льюис (очень близкой по объектно-предметной области отечественной этнологии), а плохо организованной эманации идей, исследовательских тем, не имеющих непосредственного или вообще никакого отношения к тому, чем традиционно занималась этнология, и стремительно захлестывающих ее в последнее время (туризм, реклама, Интернет-ресурсы и пр.).